

КОЛОСЬЯ

ЕЖЕНЕДПЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА Г 1918

ОДЕРЖАНІЕ:

Чудеса работы (поэма) — А. Гастевъ. Смерть — П. Хансенъ (перев. съ датскаго). Воспоминанія, ч. II. Арестъ — Феликсъ Конъ. Россія въ охранномъ отдѣленіи. Біографическія справки о Савинковѣ и Каменевѣ. Обзоръ о дѣятельности харьковской группы анархистовъ-коммунистовъ. О русской пѣснѣ — В. Алексѣевъ. Декларациі Союза Интернаціоналистовъ Дѣятелей Искусства и Союза Искусствъ. Стихи — Г. Шенгели. О книгахъ. Иллюстраціи — фотографіи изъ охраннаго отдѣленія. Ориг. рисунки — Роданта, Маркинъ, репродукціи — Т. Гейне, портреты Петера Хансена и др.

№ 14.

79411

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ „СОЮЗБАНКЪ“

ХАРЬКОВЪ, НИКОЛАЕВСКАЯ ПЛОЩ., № 9 (ПРОТИВЪ БИРЖИ) — ТЕЛ. 44-07 и 42-81.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ

ВКЛАДЫ, ТЕКУЩИЕ СЧЕТА, ПЕРЕВОДЫ, АККРЕДИТИВЫ, ИНКАССО.

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ %	на 1 годъ	5 ¹ / ₄ %
б) По вкладамъ: до востребованія	5%	„ 2 года	5 ¹ / ₂ %
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5%	свыше 2 лѣтъ	по соглашенію.

ВЪ ЦѢЛЯХЪ ПРЕДОСТАВЛЕНІЯ ПУБЛИКѢ УДОБСТВЪ

СОЮЗОМЪ ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНІЕ

уголь Николаевской пл. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНІЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО
СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ

„СОЮЗЪ“

ХАРЬКОВЪ, МОСКОВСКАЯ УЛИЦА, 18.

ТЕЛЕФОНЪ 42-81.

ХАРЬКОВСКИЙ Кредитный Союзъ Кооперативовъ издаетъ для народа книги по разнообразнымъ отраслямъ знаній на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Книги издаются по исторіи Украины, природовѣдѣнію, сельскому хозяйству, политикѣ, коопераціи; школьные учебники для русской и украинской школы, пособія для учителей, словари и книги для дѣтей на русск. и украинск. языкахъ. Издаваемая Союзомъ литература общедоступная по цѣнѣ и имѣетъ цѣлью поднятіе народнаго сознанія и необходима для просвѣтъ, народныхъ библіотекъ и кооперативовъ.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:
Історія Слободської України.

проф. Д. І. Багалій.

Цѣна 6 руб.

Короткий нарис української мови,

О. Н. Синявський.

Цѣна 1 р. 25 к.

Мѣстные финансы,

Цѣна 2 р. 50 к.

А. П. Марковъ.

Начерк розвитку української літературної мови,

проф. М. Ф. Сумцов.

Цѣна 1 руб.

Древнѣйшая цивилизація въ Европѣ (Критско-Микенская культура),

проф. В. П. Бузескулъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Хрестоматія по українській літературі. Ч. І.

проф. М. Ф. Сумцов.

Цѣна 3 р. 25 к.

Школьное дѣло у древнихъ грековъ (по новымъ даннымъ),

проф. В. П. Бузескулъ.

Цѣна 1 р. 10 к.

Народный Домъ, его задачи и обществен. значеніе,

проф. В. Я. Данилевскій и А. А. Богомоловъ.

Цѣна 6 р. 50 к.

Природа и населеніе Слободской Украины, Харьковск. губ.
(пособіе по родиновѣдѣнію).

проф. В. Я. Таліевъ, пр.-доц. А. С. Оедоровскій, Д. К. Педаевъ,
В. Г. Аверинъ и др.

Цѣна 10 руб.

Птицы—друзья человека,
Цѣна 3 р. 25 к.

Г. А. Брызгалкинъ.

Кредитъ и его роль въ народномъ хозяйствѣ,

проф. М. Н. Соболевъ.

Цѣна 2 р. 35 к.

Азбука для взрослыхъ,

Рахмановъ-Николаевъ.

Цѣна 1 руб.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бумажные деньги,

І. А. Трахтенбергъ.

Товаровѣдѣніе (пособіе для кооперативной школы и курсовъ),

Н. А. Классенъ.

„Внімось писати“, початкова наука письма,

О. Н. Синявського.

„Ясне сонечко“, книжка для першого навчання письменству.

Уложено гуртком слобожан при участі

П. І. Ковалевського.

„Ключик грамоты“, начальная грамматика по новому правописанию,

Н. П. Дашевського.

Русский букварь (новое правописание),

Н. П. Дашевського.

Состояніе и развитіе русскаго сельскаго хозяйства (по даннымъ ж.-д. перевозокъ и переписи 1916 г.),

А. Н. Челинцевъ.

Слобожане. (Історично-етнографична розвідка).

Проф. М. Ф. Сумцов.

Кооперація въ Галичинѣ,

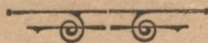
И. М. Хоткевичъ.

Заказы на изданія принимаются въ Книжномъ Складѣ „СОЮЗЪ“, открытомъ „Поюромъ“ и „Союзбанкомъ“ — Харьковъ, Московская, 18. :: Телефонъ 836.

Чудеса работы.

Печатая эту поэму, редакция находит необходимым напомнить читателям отзыв профессора В. Фриче об авторе этой поэмы А. Гастеве (И. Дозорове): „Из современных поэтов—заграничных и наших—никто до сих пор не сумел воплотить в поэзии основные черты современной капиталистической и революционно-пролетарской действительности. В новейшей литературе, особенно иностранной, есть не мало выдающихся произведений, рисующих торжество индустрии и техники, в ней есть не мало и таких, которые изображают победное шествие рабочих масс. Но не было еще ни одного произведения, не было ни одного поэта, который бы в своих творениях увлекательно обвел эти стороны современности в форме оригинальной, в образах своеобразных, в ярких и увлекательных видениях. Теперь такой поэт явился у нас, выйдя из почвы, перепаханной гением революции. Имя

ему—А. Гастев. „Поэзия рабочего удара“—так озаглавил он свои рассказы, стихотворения в прозе и песни, изданные Пролеткультом. Если автор этой книги будет продолжать в таком же духе, то из него выработается весьма и весьма крупный творец, первоклассный поэт пролетариата. Поэмы Гастева—не только гимн промышленно-техническому прогрессу, но и гимн машин и машинизму, поистине, как он сам выразился,—торжествующая песня кованного металла. Не луну и не соловья, не поле и не лес воспевает он, настоящий футурист, а рельсы и краны, гудки и молоты, электричество и железо. Но это не просто машины,—в склонном к грандиозным видениям воображении поэта он становится средствами перестроить и перевернуть вселенную, символами всемогущества человека-работника-творца“.

НГ рушится, он падает. мирь.

В прошлое взглянем и кинем:

„Отрицаю!“

Миллионы взоры к будущему и громко всѣм голосом:

„Строю!“

— Мы все на работу.

Дадим людскую шеренгу в сто миль на краях Урала.

Идемте стальной толпой по копытам Уэльса.

Грянем желѣзный гимн под сводами заводов Рейна.

Трансвальцы, на горы!

Механики Чикаго, вы достроили чудовищный мост для канала. Пустите по нем поѣзд,—мост заиграет, как арфа.

А потом веселым маршем на сходку, на сходку мировую.

На лучшую площадь Европы.

Бѣжим, задыхаясь.

И ударьте хором: „Люди, гудки, клопочите, печи, пойте, каменные дамы“.

— Отставить! Учитесь прерывать свой гомон во мгновение.

И сверху же руки, механики-работчие.

— На полюс созданы стропила. Выше горы.

Там волшебники...

Лѣтом на полюс нѣтъ ночей, черныя стропила в синем свѣтѣ играют, как призраки, ходят за небом и встают черным миражем над раскаленной Сахарой.

Сильнѣе... Сильнѣй по стропилам!

Ломим!

Дымим!

Закаляем!

— Это дома?

— Дом на дом, колонна на колонну, ворота на ворота. Выше неба, до звѣздъ.

— Это шахты?

— До лавы, до самого жаркаго безумія земли роем!

— Княжескій городъ... Толпы дворцовъ.....

— Снести их немедленно! По нашим планам здѣсь проходит аллея с вишневыми садами по бокам... Через всю Европу.

Прогулка через материк будет недурна для уставших.

— Там болота?

— Нам не до шуток: разрыть их, осушить, поставить дома, освѣтить лес.

— Что за странность? — тут нелѣпая насыпь, желѣзная дорога...

Подать ее верст на сто.

Но тише:—священная минута: надѣваем рабочія блузы.

Гудим враз на весь мирь.

И заносим удары мгновенно.

Подъ убогими мастерскими вездѣ ли заложен динамитъ?

— Варывайте безстрашно.

Хороните вмѣстѣ с ними тухлые города без дыма и грохота.

А потом собирайте все лучшія чудовища-заводы, бурлящія дома, смѣлые мосты, вызывающіе краны, необъятные корпуса, собирайте их на каменный, на желѣзный митингъ.

И въ тысячу верст длины.

Въ сто верст ширины.

Скандално-громадный сверхъ-колось.

Построим заводъ.

Его постройка—мировой радостный конгрессъ работниковъ.

Онъ самъ ошеломленъ собой.

Вотъ онъ, онъ выросъ, онъ построенъ.

Онъ въ дыму: горячій и родной смрадъ его подземнаго сердца уже дурманитъ миллионы.

Цѣлыя тысячи выбѣгаютъ изъ мастерскихъ смотрѣть на центральныя крыши. Бѣса! Бѣса силы и напора мы хотимъ!

Наивная молодежь, раззадоренная пѣснями труда, хотѣла спорта работниковъ.

Крыша рухнула....

Фодант.

Прологъ.

Изъ глубины кузницъ вставали налитые работой сѣрые бетоны, грузно задрожали и весь живой миллионъ завода наполнили трепетомъ мускуловъ.

— Шатуновъ, шатуновъ намъ немедленно!—перемѣнила фронтъ молодежь.

— Стальныхъ! Мы хотимъ отдаться этимъ мгновеньямъ.

— Силы и подъема!

Въ воздухѣ пронесся гигантъ—колѣчатый валъ и съ нимъ яркіе, налитые стальной синеватой кровью шатуны.

Они взбѣсались и каленымъ шопотомъ заполонили своды, двери и туннели завода.

Толпа застыла, а потомъ вразъ закричала безумствуя:

— Все,

И нажимъ,

И ударъ,

И подъемъ—

Все людское отдаемъ, какъ награду, какъ призъ и какъ душу.....

Вамъ,

Шатуны.

Толпа прибывала.

Торжество почувствовали даже мастерскія съ тяжелой горячей работой.

— Страсти! Безудержной страсти!

Не святоши же мы, чортъ возьми.

Съ края толпы поднялся чумазый потный дядя и хриплымъ голосомъ закричалъ толпѣ:

— Какъ разъ я делегатъ оттуда.

Часть публики засмѣялась. Это были чудаки-чернорабочіе, работавшіе на переноскахъ внутри двора.

— Не грохочи. Сиди. Идите!

Ворота сталелитейныхъ мастерскихъ съ ревомъ раскрылись и уплыли въ стѣны.

Плавильныя и калильныя печи ревѣли, какъ сказочныя псы-великаны.

Нефть сгорала во рту изрыгающихъ февокъ и рвалась въ наполненные пламенемъ печи и, казалось, жрала самое себя.

Мастеръ махнулъ рукой, жерло печи раскрылось, масса шарахнулась отъ жары и свѣта.

Она не смотрѣла, мучилась, билась въ жаркихъ снопахъ воздушной лавы.

Въ адскомъ шумѣ нельзя говорить, но мускулы лицъ мгновенно сыграли одни и тѣ же слова у всей громады:

„Сжечь—расплавить—донять—побѣдить!“

— Молитвы! Молитвы!—закричала изступленная толпа, и торжественнымъ хоромъ направилась въ просторныя и чудесно-высокія котельныя мастерскія.

По дорогѣ толпы были встрѣчены нигилистами-проповѣдниками:

„Неужели вы снова повѣрили въ бога?“

— Чепуха; мы новые идолопоклонники; мы хотѣли поклоняться и воспѣвать созданное нами.

Входили въ котельныя мастерскія.

Шумъ людского разсыпаннаго разговора подъ черными сводами—тысяча ударовъ по желѣзнымъ струнамъ.

Потушили всѣ фонари, кромѣ двухъ верхнихъ.

И сразу тихо.

Мрачная торжественность колоннъ.

Черныя распластанныя тѣни.

Встревоженные строгіе швеллера и балки.

Ни слова команды, ни звука призыва.

Толпа склонилась передъ холоднымъ городомъ желѣза.

И были слезы,

И была радость.

А. Гастевъ.

Надъ Пржевальскимъ.

Китайскихъ картъ соломенный папирусъ;
зигзаги рѣкъ и сыртовъ пелена.
Простертая въ пустыхъ горахъ страна,—
твой обликъ пепельный предъ мною выросъ.

Пески—наслѣдіе морского дна—
безвлажные: такъ рѣдокъ въ небѣ циррусъ,
и дюны легкія—полночный клиросъ:
поетъ звѣздамъ песчаная струна.

Во впадинѣ сыпучаго простора
бамбуковыя заводы Лобъ-Нора
впиваютъ бредъ загималайскихъ странъ,

гдѣ подъ ночные всхлипы гамеланга
изъ Индіи въ звенящій океанъ
уносить мертвецовъ теченье Ганга.

Георгій Шенгели.

С м е р т ь.

Фантазія Петера Нансена.

Переводъ съ датскаго и предисловіе О. Грейшеръ.

31-го іюля въ Копенгагенѣ скончался датскій писатель Петеръ Нансенъ, авторъ поэмы „Döden“, переводъ которой мы печатаемъ въ этомъ №.

Скандинавскіе писатели уже издавна пользуются большою любовью у русской читающей публики. Достаточно вспомнить имена Ибсена, Гамсуна, Стриндберга, Лагерлефъ и т. д.

Въ русской литературѣ нерѣдко встрѣчается мнѣніе о глубокомъ духовномъ родствѣ сѣверной, скандинавской души и русской. Быть можетъ, правъ Бальмонтъ, утверждая въ своемъ предисловіи къ переводу книги Ф. В. Горна „Исторія скандинавской литературы“, что „...мы выросли подъ однимъ и тѣмъ же туманнымъ небомъ; съ самаго дѣтства намъ пѣла пѣсни одна и та же сѣверная мятель“....

Спеціально изъ датскихъ писателей у насъ знаютъ больше всего Германа Банга, но зато слишкомъ мало мѣста удѣляютъ другимъ не менѣ крупнымъ дарованіямъ, какъ напри. Йоганнесу В. Йенсену, обладающему смѣлой и сильной художественной кистью; его крупное произведеніе „Ледникъ“ переведено въ сборн. „Фіорды“, вып. 2; такъ же мало знаютъ Йенса Петера Якобсена, котораго Г. Брандесъ считаетъ однимъ изъ величайшихъ стилистовъ міровой литературы.

Авторъ новеллы-фантазіи „Смерть“ Петеръ Нансенъ принадлежитъ также къ числу малоизвѣстныхъ въ Россіи датскихъ писателей.

Изъ его романовъ, новеллъ и драмъ на русскомъ языкѣ есть только: „Дневникъ Юліи“, наиболѣе извѣстное его произведеніе, переведенное также на другіе европейскіе языки, затѣмъ „Миніатюры“, „Освященное окно“. Вотъ приблизительно и все.

Между тѣмъ, мягкая лиричность его произведеній, импрессионистскій характеръ письма, изящный юморъ даютъ ему право занять мѣсто наряду съ самыми крупными европейскими мастерами новеллы.

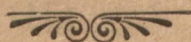
Петеръ Нансенъ, по преимуществу,—поэтъ настроеній, а его область—миніатюра, новелла, эскизъ.....

Въ фантазіи „Смерть“ интересно сплетеніе психическихъ переживаній угасающаго больного и внѣшнихъ впечатлѣній реальной, „земной“ жизни, проникающихъ въ его сознаніе какъ бы сквозь легкую дымку, а сознаніе, что автора этого произведенія уже нѣтъ въ живыхъ, придаетъ фантазіи смерти обликъ суровой дѣйствительности.

Жизнь Нансена богаче творчествомъ, чѣмъ событіями. Онъ родился въ датской столицѣ 20/VI 1861 г. и началъ свою литературную дѣятельность въ редакціи газеты „Politiken“.

Первой его книгой было собраніе этюдовъ и эскизовъ подъ загл. „Молодые люди“. Интимная глубина его души выражена въ „Дневникѣ влюбленнаго“. Изъ большихъ произведеній Нансена выдѣляется романъ въ письмахъ „Первый университетскій годъ“ и непереведенное на русскій яз. продолженіе „Дневника Юліи“—„Бракъ Юліи“.

АЕЖАЛЬ и пристально смотрѣлъ на безграничное черное море передъ собой. Онъ лежалъ на берегу, а волны приходили и уходили. У него уже не было больше силъ отодвинуться немного дальше, и съ каждымъ новымъ ударомъ волны все ближе подходили къ нему. Онъ пытался звать на помощь, но никто не слышалъ. Вотъ, вода уже перекатила черезъ его ноги, сейчасъ она достигнетъ бедеръ, сейчасъ—груди, а потомъ подхватитъ и унесетъ.....

Онъ закрылъ глаза. Онъ не рѣшался больше всматриваться въ смерть, которая все ближе подходила къ нему, чтобы, наконецъ, окутать своимъ мрачнымъ, холоднымъ и влажнымъ плащомъ.

Онъ лежалъ со сложенными руками и ждалъ.

Но почему это продолжается такъ долго? Почему его держать въ страхѣ передъ этимъ ужаснымъ неизвѣстнымъ?

Нѣтъ, онъ не можетъ больше. Его ноги коченѣютъ отъ холода, тѣло покрывается потомъ и дрожитъ въ лихорадочномъ трепетѣ.

Онъ открылъ глаза.

Что это такое? Передъ нимъ, склонившись, стоялъ его врачъ и прислушивался къ біенію его сердца, а у ногъ стояла сестра милосердія, держа горячую бутылку въ рукахъ.

Врачъ кивнулъ головой, улыбаясь:

— „Съ добрымъ утромъ! Вы хорошо спали?“

Онъ не могъ выносить этого шутливаго тона. Онъ расплакался.

— „Ну, ну же!“—слышалъ онъ далекій подбадривающій голосъ доктора.—„Вотъ Вы сами увидите, все будетъ хорошо. Правда, фрейленъ Галле?“

Онъ видѣлъ, какъ фрейленъ Галле вытянула свою голову по направленію къ нему. Голова ея все росла, расплываясь въ безконечной улыбкѣ,—и вдругъ совсѣмъ исчезла, какъ мыльный пузырь.

..... Почему этотъ человѣкъ беретъ его шляпу? Вотъ онъ бѣжитъ стремглавъ по страшно длинной дорогѣ, этотъ воръ, размахивая шляпой въ рукѣ, и онъ самъ бѣжитъ за нимъ. Что за дикость! Вѣдь человѣкъ, убѣгающій съ его шляпой, тотъ самый, у котораго онъ полчаса тому назадъ купилъ ее. Вѣдь это настоящій обманъ!

Но онъ его поймаешь... Вонъ, сзади идетъ полисменъ. Если бы ему только удалось нагнать его. Вотъ, онъ уже такъ близко отъ полисмена, что можетъ позвать его. Полисменъ останавливается.—„Послушайте! Видите тамъ человѣка впереди—онъ бѣжитъ съ моей шляпой, которую укралъ у меня!“—„Но, уважаемый господинъ,—говоритъ полисменъ,—

по дорогѣ бѣжить хромой пудель. Но если Вы обернетесь, то вонъ тамъ, по той сторонѣ, увидите человѣка, который убѣгаетъ съ шляпой. Онъ обернулся. Фрейленъ Галле сидѣла и вязала. О, хоть бы она ушла! Ему нужно поговорить о чемъ-то очень важномъ со своимъ братомъ.—„Карль!“—позвалъ онъ.

Теперь, быть можетъ, фрейленъ Галле уйдетъ. Карль былъ въ это время какъ разъ занятъ. Но онъ слышалъ, какъ братъ отвѣтилъ: „Я сейчасъ приду“....

Вокругъ его кровати собралась толпа молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ по лѣтнему.

Онѣ смѣялись и пѣли, а самая красивая изъ нихъ, такъ хорошо знакомая ему, та, которую звали Клариссой, сказала: „Теперь мы потанцуемъ передъ тобой!“

Танцую, онѣ проходили мимо него, кланялись, и всѣ были ему знакомы.

Потомъ онѣ схватили его за руки и стали танцовать съ нимъ все выше и выше, вверхъ, до самого потолка, который вотъ уже исчезъ въ голубой солнечной синевѣ.....

— „А ты раньше никогда не умѣлъ танцовать! Подумай только, какой ты сталъ мастеръ!“—сказала, одна изъ нихъ.

— „Это оттого, что я полгода здѣсь учился летать“, отвѣчалъ онъ.

— „Что вы говорите?“—спросилъ его докторъ, просовывая голову черезъ крышу.

— „Подумайте только: у васъ была высокая температура утромъ. Я нахожу, что вы должны теперь лечь. Фрейленъ Галле, фрейленъ Галле! Развѣ она не смѣшная?“—сказалъ онъ, но всѣ молодыя дѣвушки исчезли.

— „Вѣдь это же просто безобразіе! Она всѣхъ людей разгоняетъ. Я долженъ объ этомъ поговорить съ докторомъ“.

— „Пожалуйста, войдите сюда“—сказалъ врачъ и открылъ передъ нимъ дверь купе.—„Говорять, анемоны уже цвѣтутъ“.....

Поездъ мчался все дальше съ грохотомъ. Что-то звенѣло и гремѣло въ немъ, какъ будто онъ катился по граниту. Куда же запропастился докторъ? А, вотъ онъ нашелъ его: тамъ, совсѣмъ въ другомъ концѣ огромнаго вагона сидѣлъ маленькій человѣчекъ и обрѣзалъ себѣ ногти. Слава Богу, а то вчера докторъ его положительно оцарапалъ, когда протянулъ ему свою руку. Какимъ маленькимъ и смѣшнымъ сталъ этотъ большой человѣкъ, но это происходитъ, вѣроятно, отъ большого разстоянія.

Вдругъ поездъ съ грохотомъ вкатился въ туннель. А, это новая подземная желѣзная дорога, о которой столько говорили. Въ туннель, изъ туннеля, въ туннель, изъ туннеля,—какая головокружительная безконечность.

Онъ почувствовалъ себя плохо; стало страшно.

— „Докторъ!“—позвалъ онъ. Но доктора не было. Только двѣ руки и ножницы.

Въ смертельномъ страхѣ онъ закричалъ: „Докторъ, докторъ!“...

Съ его устъ не срывалось ни звука, но тѣло судорожно сжалось, какъ будто бы онъ хотѣлъ выпрыгнуть изъ кровати.

Далеко, далеко онъ слышалъ, что кто-то шепталъ: „Зеркало!“ Ему казалось, что двѣ тѣни промелькнули передъ его глазами.

Вотъ исчезла одна тѣнь, вотъ.....

Фрейленъ Галле держала зеркало передъ его ртомъ.

Петеръ Хансенъ.

ГЛАВА II.

Арестъ.

БЫЛО уже далеко за полночь, когда я приближался къ своей квартирѣ, гдѣ—я въ этомъ уже не сомнѣвался—меня ожидало лишеніе свободы... Тяжелое чувство! Добровольно отдаваться въ руки врагу!

Меня подмывало все время не идти домой, скрыться, поступить наперекоръ партійному рѣшенію... Но чувство партійной дисциплины побуждало, и я все приближался и приближался къ роковому мѣсту... Осталось еще только завернуть за уголъ и пройти полквартила, а тамъ уже не я буду рѣшать свою судьбу... Еще всего минутъ пять колебаній и душевныхъ мукъ... Но сердобольные жандармы не дали мнѣ такъ долго мучиться... Я еще не дошелъ до

угла, какъ былъ схваченъ за обѣ руки вынырнувшими откуда-то изъ темноты жандармами, полицейскими и шпиками, въ одну секунду ощупавшими мои карманы и доложившими приближавшемуся къ намъ приставу:

М. Гейне. *Юдиш и Слюсерн. 1.*

„Оружія—нѣтъ!“

А начальство, пріятно ослабившись и отдавъ распоряженіе отпустить мои руки, приложившись къ козырьку, заявило:

— Вы арестованы!

— На какомъ основаніи? Вотъ мой студенческий билетъ. Можете взять для установленія личности, но арестовывать меня Вы не имѣете права...

Въ то время „матрикула“—студенческий билетъ—была своего рода „habeas corpus act“, и мои заявленія не были такъ безосновательны, какъ они могутъ въ настоящее время казаться... Но пристава они не смутили...

— Да Вы же арестовываетесь по политическому дѣлу,—возразило начальство, снисходительно улыбаясь.—Впрочемъ, мы Васъ отведемъ только къ Вамъ же на квартиру, а тамъ уже не наше дѣло. Сказавъ это, приставъ сталъ рядомъ со мной, „нижніе чины“ отступили нѣсколько шаговъ назадъ, и мы двинулись къ моей квартирѣ...

У воротъ дома стоялъ Янъ... Лица его я не разглядѣлъ, но врядъ ли на немъ въ этотъ моментъ отразилось лестное насчетъ моего ума мнѣніе.

Убѣдившись, что я въ сохранности доставленъ „по мѣсту назначенія“, приставъ удалился, чтобы доложить начальству о моемъ задержаніи, а жандармы, окологочные и прочіе штатскіе и не штатскіе полицейскіе агенты вошли вмѣстѣ со мной въ мою комнату.

Только въ этотъ моментъ я обратилъ вниманіе на тотъ живописный, но вмѣстѣ съ тѣмъ предательскій беспорядокъ какой послѣ произведенной мною чистки царилъ въ комнатѣ... Однако удалять слѣды этого беспорядка было уже поздно да и врядъ ли стоило. Но было нѣчто горшее, составлявшее уже не косвенную, а прямую улику. Это два

маленькихъ пузырька съ жидкостями. Въ одномъ была разведенная желтая соль, которой мы писали конспиративныя письма между строками письма, написаннаго обыкновенными чернилами. Въ другомъ полтора-хлористое желѣзо, которымъ мы смазывали получаемыя письма, и тогда написанное безцвѣтной желтой солью принимало синеватую окраску. Жандармамъ этотъ способъ тайной переписки былъ извѣстенъ, и эти два злополучныхъ пузырька, о которыхъ я впопыхахъ забылъ, были бы для нихъ вещественнымъ доказательствомъ моего участія въ конспиративныхъ дѣлахъ.

Это доказательство было необходимо уничтожить во что бы то ни стало... И это мнѣ удалось.

— А у Васъ чернила для составленія протокола есть?—обратился я съ вопросомъ къ окологочному...

— А у Васъ развѣ нѣтъ?—спросилъ онъ, совершенно смущенный.—Я думалъ, идемъ къ студенту... чернила найдутся...

— Нѣтъ у меня чернилъ... но ничего... я сдѣлаю!

И прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, я быстро вылилъ въ стаканъ жидкость изъ обоихъ пузырьковъ и почему-то, по какому-то наитію бросилъ въ стаканъ кусокъ сахара, размѣшалъ, обмакнулъ перо и для пробы написалъ нѣсколько словъ на бумагѣ...

— Сойдетъ?—бросилъ я окологочному вопросъ...

— Сойдетъ!—услышалъ я въ отвѣтъ.

Столь быстро „созданныя“ чернила заинтересовали и жандармовъ... Они тоже разсмотрѣли написанное и тоже одобрили, а когда начальство, часа два спустя, составляло протоколъ обыска, ему и въ голову не приходило, какими чернилами оно пишется...

Это начальство не долго заставило себя ждать... Не успѣлъ я еще порадоваться до-сыта въ душѣ по поводу успѣшнаго проведенія за ночь полиціи, какъ оно явилось въ лицѣ моего „старого знакомаго“ Сѣкеринскаго, производившаго у насъ обыскъ вмѣстѣ съ Плеве еще въ 1878 г., когда арестовали мою сестру и мать, и незнакомаго мнѣ товарища прокурора Арсеньева.

Сѣкеринскій, войдя въ комнату, окинулъ ее быстрымъ взоромъ и, обращаясь къ Арсеньеву, громко заявилъ:

— Тутъ уже былъ обыскъ до насъ...

Товарищъ прокурора кивкомъ головы подтвердилъ вѣрность наблюденія своего коллеги.

Я пропустилъ мимо ушей это расчитанное на соотвѣтственный эффектъ замѣчаніе Сѣкеринскаго и обратился къ нему съ вопросомъ: на какомъ основаніи у меня производится обыскъ...

— По предписанію прокурора Петербургской Судебной Палаты—гласилъ сухой отвѣтъ жандармскаго подполковника.

У меня отлегло отъ сердца. Куницкій былъ правъ... Я принималъ такое минимальное участіе въ „Народной Волѣ“, что ничего серьезнаго въ рукахъ жандармовъ не могло быть противъ меня. Я даже возмечталъ о томъ, что, быть можетъ, „онъ—ха! ха! ха!—меня помилуетъ“, и дѣло только обыскомъ и кончится... Мнѣ, конечно, и въ голову не приходило, что жандармы могутъ быть вполне освѣдомлены о моей дѣятельности въ „Пролетаріатѣ“ и лишь до поры до времени скрываютъ это...

Занявъ мѣсто за столомъ и распорядившись, чтобы нижніе жандармскіе чины приступили къ обыску, Сѣкеринскій, любезно улыбаясь, спросилъ:

— А ваша сестренка какъ поживаетъ? Вернулась уже изъ Сибири?...

— Да вы же знаете, что вернулась...

— Конечно, знаю! Вся семья такая...—отрекомендовалъ онъ меня Арсеньеву...

Прокуроръ не поддерживалъ разговора въ этомъ тонѣ, а я, конечно, тѣмъ менѣе, и зѣвающему отъ скуки Сѣкеринскому не оставалось ничего другого, какъ приступить къ составленію протокола...

При этомъ до тѣхъ поръ молчаливый товарищъ прокурора позволилъ себѣ весьма либерально пошутить.

На вопросъ Сѣкеринскаго: не былъ ли я подѣломъ, я отвѣтилъ:

— Вѣдь я студентъ... Если бы судился—меня бы исключили.

— А могли же вы судиться за оскорбленіе дѣйствіемъ—лукаво улыбаясь, вдругъ выпалилъ Арсеньевъ.

Незадолго до этого въ Варшавѣ судили студента Жуковича за ударъ по лицу попечителя Варшавскаго учебнаго округа Апухтина. Это было громкое и весьма популярное событіе во всей Польшѣ. Апухтина ненавидѣли всѣ. Жуковичъ расчитался пощечиной съ Апухтинымъ по какимъ-то личнымъ дѣламъ, но Польша использовала это событіе, чтобы нанести ненавидимому руссификатору моральную пощечину. Въ газетахъ начали появляться свѣдѣнія о пожертвованіяхъ на всякія благотворительныя цѣли съ припиской „въ ознаменованіе полученія радостнаго и желаннаго извѣстія“. Одинъ изъ такихъ жертвователей, сынъ крупнаго банкира Натансонъ былъ по распоряженію Варшавскаго генераль-губернатора Гурко въ 24 часа высланъ въ сѣверныя губерніи. Но этой одной высылкой дѣло не кончилось. Узнавъ объ отношеніи Польши къ нанесенному попечителю округа оскорбленію, Александръ III наградилъ ревностнаго исполнителя своихъ предписаній орденомъ Александра Невскаго при соотвѣтственномъ рескриптѣ. Это подлило масла въ огонь. Остроатмъ не было конца, и въ одинъ прекрасный вечеръ въ циркѣ Цинизелли на аренѣ появились три клоуна. Одинъ изъ нихъ хлопнулъ другого по лицу. Этотъ, держась за щеку, жалобно началъ голосить... Тогда третій чинно и важно подошелъ къ нему и прикрѣпилъ на его груди орденъ...

Весь циркъ завылъ отъ восторга... А на слѣдующій день всѣ три клоуна-иностранца уже были высланы за границу...

Слухами объ этихъ событіяхъ была полна вся Варшава, и на нихъ-то и намекалъ Арсеньевъ...

—Вы бы знали объ этомъ...—отвѣтилъ я на остроту прокурора...

Сѣкеринскому весь этотъ разговоръ былъ не по душѣ, и онъ прервалъ его вопросомъ, обращеннымъ къ обыскивающимъ:

—Ничего, конечно, не нашли?

—Такъ точно—ничего!

Внеся этотъ отвѣтъ въ протоколъ, Сѣкеринскій взглянулъ на часы и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

—Уже поздно! Сегодня уже нельзя будетъ Васъ допросить... Придется Вамъ переночевать въ Павильонѣ...

Надежда на то, что дѣло кончится однимъ обыскомъ, рухнула...

— Извозчикъ заготовленъ?—спросилъ Сѣкеринскій старшаго жандарма.

—Такъ точно...

Два жандарма приступило ко мнѣ:

—Пожалуйте!

И я „пожаловалъ“ внизъ, къ извозчику...

Въ ухахъ прозвучало печальное: „Прощайте, паньчъ!“

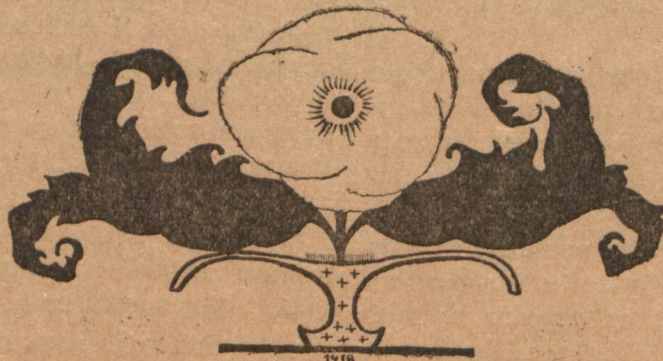
М. Фейн.

Жизнь и Олофернъ. 2.

совсѣмъ ошеломленнаго всѣмъ происшедшимъ Яна, одинъ жандармъ усѣлся рядомъ со мной на переднемъ сидѣніи, другой на скамейкѣ напротивъ меня, и извозчикъ пролетка быстро покатила по направленію къ Варшавской Цитадели—мѣсту заключенія, душевныхъ мукъ и физическихъ страданій цѣлаго ряда поколѣній, мечтателей, цѣлой огромной плеяды борцовъ...

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Феликсъ Конъ.

Россія въ охранномъ отдѣленіи.

САВИНКОВЪ, Борисъ Викторовичъ, дворянинъ С.-П. Б. губерніи. Родился 19 января 1879 года въ городѣ Харьковѣ. По окончаніи курса Варшавской гимназіи поступилъ въ С.-П. Б. университетъ, откуда въ 1899 году за участіе въ беспорядкахъ былъ уволенъ и въ томъ же году поступилъ въ число студентовъ Берлинскаго университета, откуда перевелся въ Гейдельбергскій университетъ. Жена Савинкова—Вѣра Глѣбова, урожденная Успенская.

По постановленію особаго совѣщанія 27 марта 1898 года Савинковъ, за распространеніе среди студентовъ Варшавскаго университета агитаціонныхъ прокламацій, былъ подчиненъ гласному надзору полиціи на 1 годъ въ столицѣ, столичныхъ губерніи и университетскихъ городовъ.

Будучи привлеченъ въ 1902 году при С.-П. Б. губернскомъ жандармскомъ управленіи къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о соединенной организаціи „Рабочее знамя“ и „Соціалистъ“ и при московскомъ губерн. жанд. управленіи по дѣлу московскаго комитета Р. С.-Д. Р. П., Савинковъ по высочайшему повелѣнію 23 іюля 1903 года въ разрѣшеніе втораго дознанія подлежалъ высылкѣ въ Восточную Сибирь подѣ гласный надзоръ полиціи на пять лѣтъ съ оставленіемъ безъ исполненія высочайшаго повелѣнія отъ 15 января 1903 года по первому дознанію, по которому подлежалъ высылкѣ въ Восточную Сибирь подѣ гласный надзоръ полиціи на три года. До приведенія въ исполненіе высочайшаго повелѣнія Савинковъ состоялъ подѣ особымъ надзоромъ полиціи въ гор. Вологдѣ, откуда въ первыхъ числахъ іюля 1903 года скрылся, въ виду чего былъ помѣщенъ въ циркуляръ о розыскѣ, въ силу коего, въ случаѣ обнаруженія, подлежалъ аресту и препровожденію въ распоряженіе Иркутскаго генералъ-губернатора.

Въ сентябрѣ 1903 года Савинковъ прибылъ въ Женеву, гдѣ былъ встрѣченъ проживающими тамъ представителями революціонной организаціи „Искра“, какъ даровитый и серьезный революціонеръ.

Въ августѣ 1904 года были получены указанія, что Борисъ Савинковъ, являвшійся замѣстителемъ Григорія Гершуни, велъ энергичную агитацію на югѣ Россіи о необ-

ходимости террористическихъ дѣйствій противъ правительства и властей. Главнымъ пунктомъ его мѣста пребыванія являлся городъ Кіевъ.

Въ мартѣ 1905 года были получены указанія, что Савинковъ нелегально проживалъ въ Россіи и находился въ сношеніяхъ съ проживавшимъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Пермской губ. А. Г. Лапицкимъ.

14 мая 1906 года въ г. Севастополѣ былъ арестованъ причастный къ дѣлу метанія бомбъ въ коменданта крѣпости Неплюева нелегальный, проживавшій по паспорту на имя сына кол. ассесора Дмитрія Евгеніевича Субботина и оказавшійся въ дѣйствительности Савинковымъ. Содержась подѣ стражей на главной гауптвахтѣ, Савинковъ 16 іюля того же года на разсвѣтѣ бѣжалъ съ гауптвахты вмѣстѣ съ разводящимъ вольноопредѣляющимся пѣхотнаго Литовскаго полка Сулетинымъ.

Въ декабрѣ 1906 года были получены указанія, что руководителемъ Татьяны Леонтьевой въ дѣлѣ убійства Мюллера въ Интерлакенѣ (подѣ фамиліей Мюллера проживалъ за границей дѣйствительный статскій совѣтникъ Дурново) является Савинковъ.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ февралѣ 1908 года, Борисъ Савинковъ разошелся со своей женой и находится въ постоянныхъ сношеніяхъ со своей любовницей Евгеніей Сомовой въ Парижѣ. Въ маѣ того же года Савинковъ проживалъ еще въ Парижѣ, откуда посылалъ въ Россію романы, подѣ названіемъ „Конь блѣдный“, „То, чего не было“, печатавшіеся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно подѣ фамиліей Ропшинъ, причемъ оказалось, что авторомъ этихъ романовъ является въ дѣйствительности Борисъ Савинковъ.

РОЗЕНФЕЛЬДЪ Левъ Борисовъ, партійная кличка „КАМЕНЕВЪ“, родился 22 іюля 1883 года, потомственный почетный гражданинъ, бывшій студентъ Московскаго Университета. Присутствовалъ 13 марта 1902 года на сходкѣ въ Университетѣ, откуда вмѣстѣ съ толпой студентовъ направился на Тверской бульваръ для устройства демонстраціи у памятника Пушкина, гдѣ былъ задержанъ и содержался подѣ арестомъ полтора мѣсяца. Дѣло это въ отношеніи Розенфельда постановленіемъ Особ. Совѣщ. прекращено въ апрѣлѣ

1902 г. Въ февралѣ 1904 г. Розенфельдъ привлекался при Московскомъ губ. жандармскомъ управленіи къ дознанію о московской группѣ социаль-демократовъ, каковое за недостаточностью уликъ было прекращено постановленіемъ Моск. губернскаго совѣщанія 19 ноября 1904 г.

Въ 1907 году Розенфельдъ участвовалъ на состоявшемся въ Теріокахъ собраніи общегородской конференціи социаль-демократической рабочей партіи и на партійномъ

съѣздѣ въ Лондонѣ. Въ маѣ 1908 г. Розенфельдъ привлекался при С.-П. Б. Губернск. жанд. управленіи къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. По сему дѣлу онъ сначала содержался подъ стражей, а съ 9 іюля того же года выпущенъ подъ залогъ въ 1000 рублей. Въ іюлѣ того же года Розенфельду воспрещено жить въ Петербургѣ, и тогда же онъ выѣхалъ за границу.

Обзоръ о дѣятельности мѣстной, Харьковской группы анархистовъ-коммунистовъ съ 1 янв. 1916 г. по 25 фев. 1917 г.

Группа анархистовъ-коммунистовъ.

Съ 1-го января 1916 года по августъ мѣсяцъ того же года въ Управление не поступало агентурныхъ свѣдѣній о существованіи въ г. Харьковѣ группы анархистовъ. Поступили лишь свѣдѣнія о проживаніи отдѣльных лицъ, сочувствующихъ анархизму и называющихъ себя анархистами. Лица эти находились все время подъ агентурнымъ наблюдениемъ и попытокъ къ организованію группы не дѣлали. Въ августѣ же мѣсяцѣ отъ Начальника Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія, а затѣмъ и отъ агентуры получены были свѣдѣнія о томъ, что въ Харьковѣ организовалась группа анархистовъ, члены каковой (всѣ пріѣзжіе изъ разныхъ городовъ Россіи) имѣли намѣреніе связаться съ анархистскими группами г. Петрограда и друг. городовъ и затѣмъ организовать Россійскую федерацію анархистовъ, предварительно обсудивъ этотъ вопросъ на съѣздѣ. Кромѣ того, они имѣли намѣреніе оборудовать въ гор. Харьковѣ тайную центральную типографію анархистовъ для обслуживания соотвѣтствующей литературой всѣхъ анархистскихъ группъ. Перекрестной агентурой были установлены самые видные члены организовавшейся группы въ гор. Харьковѣ и выяснено, что лица эти заняты были усиленной пропагандой идей анархизма въ рабочей средѣ, выступая ораторами на массовкахъ и устраивая собранія. За этими лицами установлено было наружное наблюдение, каковое и отмѣтило связи этихъ лицъ между собою и другими, ранѣе неизвѣстными лицами. Затѣмъ получены были свѣдѣнія о томъ, что нѣкоторые изъ видныхъ членовъ группы обзавелись револьверами для совершенія вооруженныхъ грабежей, а одинъ изъ нихъ озабоченъ пріобрѣтеніемъ миміографа для отпечатанія воззванія.

Въ виду этихъ послѣднихъ агентурныхъ указаній наблюдаемая группа была ликвидирована 17-го октября въ числѣ 14 человекъ, причемъ при личномъ обыскѣ у одного изъ главарей группы, арестованнаго на улицѣ, мѣщанина гор. Гродно Беніамина Абрамова Элштейна, проживавшаго въ гор. Харьковѣ по подложному паспорту на имя Владислава Янышевскаго, обнаружены были два заряженныхъ револьвера системы „Браунингъ“, 4 къ нимъ обоймы съ патронами и отточенный ножъ, а на квартирѣ его паспортное „бюро“ подложныхъ паспортовъ, заряженный револьверъ системы „Ноганъ“, верстачка для набора шрифта и переписка анархистскаго содержанія. У нѣкоторыхъ другихъ членовъ группы обнаружены при обыскахъ подложные паспорта, по коимъ они проживали. Произведенной по дѣлу перепиской, въ порядкѣ Устава Благочинія и Безопасности, не добыто данныхъ для привлеченія арестованныхъ къ

дознанію, въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Суд., по признакамъ 102 ст. Угол. Улож., но установлено, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ являлись военными дезертирами или уклоняющимися отъ призыва по мобилизаціи на военную службу, въ виду чего они переданы были въ распоряженіе мѣстнаго воинскаго начальника для привлеченія ихъ къ законной отвѣтственности по суду, а о проживаніи ихъ по подложнымъ паспортамъ сообщено было Прокурору суда для той же надобности. Часть изъ привлеченныхъ къ перепискѣ лицъ, въ отношеніи которыхъ не добыто было серьезныхъ данныхъ для возбужденія вопроса о ихъ высылкѣ въ административномъ порядкѣ, изъ-подъ стражи были освобождены. Въ отношеніи же 2-хъ лицъ изъ числа членовъ группы возбуждено ходатайство о выселеніи ихъ въ одну изъ губерній Сибири подъ гласный надзоръ полиціи.

Результатомъ указанной ликвидаціи, по свѣдѣніямъ агентуры, было полное распадентіе группы анархистовъ. За оставшимися на свободѣ лицами, входившими въ связь съ ликвидированными членами группы, продолжается агентурное наблюдение, какое не отмѣтило новыхъ попытокъ со стороны ихъ къ организованію и продолженію преступной ихъ дѣятельности, кромѣ указаній, что одно изъ вновь прибывшихъ въ г. Харьковѣ лицъ намѣрено было, якобы, устроить „экспроприацію“ въ конторѣ завода „Всеобщая Компанія Электричества“, но намѣреніе это отложило.

Резюмируя все вышеизложенное, какъ по группамъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, такъ и по анархистамъ, должно сказать, что, какъ видно изъ настоящаго обзора, дѣятельность ихъ въ отчетный періодъ времени проявлялась довольно слабо, если не считать дѣятельности студенческой фракціи с.-р. въ послѣднее время, что дѣятельность этихъ группъ освѣщалась агентурой въ достаточной мѣрѣ, и работа послѣдней можетъ быть признана удовлетворяющей дѣламъ борьбы съ ними, хотя и не исключается надобность въ усиленіи агентуры новыми лицами (на это полѣднее обстоятельство мною обращено должное вниманіе, результатомъ чего явилось пріобрѣтеніе новой сотрудницы по партіи с.-р. „Николаевой“ и вспомогательнаго сотрудника „Станиславскаго“). Дороговизна жизни въ связи съ текущей войной настоятельно требуетъ пересмотра окладовъ содержанія, получаемого агентурой, въ дѣляхъ увеличенія такихъ наиболѣе продуктивныхъ сотрудникамъ, дабы тѣмъ самымъ поднять ихъ работоспособность. Наружное наблюдение съ замѣчаемымъ въ настоящее время подъемомъ революціонныхъ силъ должно быть, по моему мнѣнію, усилено новыми филерами, такъ какъ наличный составъ ихъ (16 человекъ) не можетъ обслуживать одновременно суще-

ствуюція революціонныя организаціи въ гор. Харьковѣ, что вредно отзывается на дѣлѣ розыска: приходится, съ полученіемъ серьезныхъ свѣдѣній по одной какой-либо организаціи, прекращать наблюденіе за лицами другой организаціи. Такое наблюденіе скачками теряетъ свою планомѣрность и не можетъ дать желательныхъ результатовъ. Къ тому же нѣкоторые изъ филеровъ, служащіе много лѣтъ при Управленіи, хотя и опытни въ своемъ дѣлѣ, но извѣстны революціонному элементу и не всегда могутъ, поэтому, оказать

дѣлу розыска необходимую услугу. Было-бы желательнымъ увеличить штатъ филеровъ, по крайней мѣрѣ, на 12 чел.

Подписалъ и вѣрно:

Помощникъ Начальника Харьковского
Губернскаго Жандармскаго Управленія по
гор. Харькову, Подполковникъ (Подпись)

24 Февраля 1917 года.

г. Харьковъ.

О русской пѣснѣ.

ДАЭИЕЛЛО, видный итальянскій композиторъ русской службы екатерининскаго времени, не допускалъ, „чтобы слышанныя имъ русскія пѣсни были случайнымъ

созданіемъ простыхъ людей, но полагалъ оныя произведеніемъ нерусскихъ музыкальных сочинителей“.

Очевидно, онъ потому и отказывался признать ихъ творчествомъ русскихъ дикарей, что сумѣлъ подмѣтить ихъ своеобразие и оцѣнить ихъ высокія достоинства.

Русская пѣсня занимаетъ въ народномъ творествѣ человѣчества совсѣмъ особое мѣсто.

Она долгое время приводила въ полное отчаяніе всѣхъ, пытавшихся записать ея мелодіи.

Приходилось либо признать ея особенности результатомъ недомыслия и невѣжества композитора въ зипунѣ, и приняться „исправлять“ ихъ не за страхъ, а за совѣсть. Однако, болѣе основательное изученіе русскихъ напѣвовъ, которое было очень облегчено гениальной интуиціей Глинки, открыло въ нихъ закономерности и свело своеобразие къ немногимъ отличительнымъ чертамъ.

Прежде всего, своеобразна звуковая система русской пѣсни — тотъ наборъ звуковъ, которымъ она пользуется. Съ перваго взгляда ясно, что никакая музыка не можетъ употреблять всѣхъ мыслимыхъ звуковъ различной высоты.

Скрипачъ или виолончелистъ возьметъ на своемъ инструмѣнтѣ 100, 200 и болѣе различныхъ по высотѣ звуковъ въ предѣлахъ октавы. Музыка выбираетъ изъ этого множе-

ства звуковъ ограниченное количество, которое въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ бываетъ различно. Въ древнія времена большинство народовъ ограничивалось пятью звуками въ предѣлахъ октавы (такъ наз. древне-шотландская гамма: до, ре, ми, соль, ля). На этомъ звукорядѣ построены шотландскія, китайскія, греческія мелодіи и пѣсни многихъ современныхъ дикарей. Онъ же лежитъ въ основаніи древнѣйшихъ русскихъ пѣсней и украинскихъ веснянокъ.

Заполненіе промежутковъ между *ми* и *соль* звукомъ *фа* и между *ля* и *до* звукомъ *си* было слѣдующимъ шагомъ. Оно дало звукорядъ изъ 7 звуковъ, соответствующихъ бѣлымъ клавишамъ фортепіано. Этотъ звукорядъ составлялъ основу всей средне-вѣковой западной музыки. На немъ же основано и огромное большинство русскихъ пѣсней.

Дальнѣйшее развитіе, состоявшее въ раздѣленіи октавы на 12 равныхъ частей, полутоновъ (хроматическій звукорядъ), безраздѣльно господствующее въ Зап. Европѣ со времени І. С. Баха (1685—1750), нашей народной мелодіи не коснулось.

Казалось бы, пользуясь всего семью звуками въ предѣлахъ октавы, русская пѣсня должна отличаться однообразіемъ. Но дѣло въ томъ, что промежутки между сосѣдними звуками діатоническаго звукоряда не равны между собою.

Мелодія Эва.

В. Маркинъ.

Въ определенныхъ его точкахъ (если считать отъ *до*, то послѣ 3-го и 7-го звуковъ, послѣ *ми* и *си*), находятся полутоны. Остальные промежутки (отъ *до* до *ре*, отъ *ре* до *ми* и т. д.) равны двумъ полутонамъ. И вотъ, положеніе этихъ полутоновъ по отношенію къ центральному звуку напѣва—тому, которымъ онъ обычно заканчивается—сообщаетъ мелодіи ея особый колоритъ. Центральнымъ въ мелодіи можетъ быть любой изъ семи звуковъ звукоряда (за исключеніемъ неупотребительнаго седьмого). Въ зависимости отъ этого мѣняется и положеніе полутоновъ и весь характеръ мелодіи—мѣняется *ладъ* ея.

По количеству употребительныхъ ладовъ, такимъ образомъ, русская пѣсня, какъ и западная средневѣковая музыка, имѣетъ преимущество передъ произведеніями композиторовъ послѣднихъ 3 столѣтій: эти произведенія основаны, главнымъ образомъ, только на двухъ ладахъ—мажорѣ и минорѣ*).

Итакъ, первая особенность русской народной пѣсни—ея диатоническій характеръ. А. Н. Сѣровъ формулировалъ эту мысль въ слѣдующихъ—пожалуй, слишкомъ категорическихъ—выраженіяхъ: „напѣвъ, котораго нельзя сыграть на однѣхъ бѣлыхъ клавишахъ фортепiano,—или нерусскаго происхожденія, или является музыкою, сочиненной въ кабинетѣ по нѣмецко-итальянскимъ образцамъ“. Диатоническій складъ русской пѣсни придаетъ ей характеръ эпической простоты, наивности и ширины.

Другая особенность русской пѣсни еще болѣе замѣчательна. Это—ея несимметричныя размѣры. Какъ въ поэзіи періодически повторяются ударные и неударные слоги, такъ и въ музыкѣ правильно чередуются звуки большей и меньшей силы. Размѣры пѣсенъ западныхъ народовъ обычно очень просты и приближаются къ танцевальнымъ ритмамъ: ударенія тамъ чередуются черезъ каждыя 2 или 3 счетныя доли; такты у нихъ преобладаютъ или простые двух- и трехдольные, или сложные изъ нѣсколькихъ однородныхъ простыхъ тактовъ.

Не то въ русской пѣснѣ. Постоянно въ ряду двухдольныхъ тактовъ здѣсь встрѣчаются одинъ или нѣсколько трехдольныхъ; иногда чередованіе различныхъ тактовъ происходитъ съ извѣстной правильностью, что даетъ въ результатѣ большіе смѣшанные такты въ 5, 7, 9 и 11 долей.

Эта особенность русской пѣсни очень затрудняетъ подходъ къ ней. Первые собиратели народныхъ мелодій пытались „исправлять“ ихъ вставкой паузъ и т. п. Они искажали диатоническіе звукоряды произвольными случайными знаками, чтобы втиснуть въ рамки мажора и минора.

Нѣмецкій критикъ Гансликъ предлагалъ „исправить“ пятидольный тактъ въ 6-й симфоніи Чайковскаго, превративъ его паузами въ шестидольный; для нѣмецкаго уха пятидольный тактъ кажется слишкомъ необычнымъ, тогда какъ для русскаго онъ вполне понятенъ. Даже Кюи говорить, что предпочелъ бы, чтобы „Свѣтикъ Саввишна“ Мусоргскаго былъ написанъ не въ пятидольномъ тактѣ, а въ шестидольномъ съ паузами... Но тактъ этотъ встрѣчается въ русской пѣснѣ, и это служитъ достаточнымъ оправданіемъ для его примѣненія.

Очень интересъ вопросъ о происхожденіи несимметричныхъ размѣровъ въ народной пѣснѣ. Исслѣдователи совершенно справедливо ставятъ ихъ въ связь со свободнымъ строеніемъ русскаго народнаго стиха. Возникаетъ вопросъ, не имѣютъ ли эти параллельныя явленія общаго корня?

Карлъ Бюхеръ въ своемъ трудѣ „Arbeit und Rhythmus“ вскрываетъ культурно-историческое происхожденіе ритма.

*) Въ музыкѣ новыхъ композиторовъ древніе диатоническіе лады примѣняются для созданія національнаго колорита. Установленные замѣчательными изслѣдованіями проф. Б. Л. Яворскаго въ произведеніяхъ Листа, Скрябина и др. новые лады—увеличенный, уменьшенный и проч.—мы оставляемъ въ сторонѣ.

„Ритмическій элементъ,—говоритъ онъ,—не свойственъ ни музыкѣ ни языку. Онъ приходитъ извне и дается физическими движеніями—прежде всего движеніями, связанными съ трудовымъ процессомъ. Ритмическій характеръ движеній дѣлаетъ нашъ трудъ болѣе механическимъ и избавляетъ отъ необходимости соразмѣрять величину каждаго изъ повторныхъ мускульныхъ напряженій съ его задачей, приводитъ его каждый разъ заново въ соотвѣтствіе съ вѣсомъ и формой орудія, съ сопротивленіемъ матеріала, среды и проч.

Контролирующимъ моментомъ здѣсь являются связанныя съ работою звуки (напр., удары цѣпа при молотбѣ, молота въ кузницѣ). Эти звуки вызываютъ стремленіе подражать имъ голосомъ, издавать восклицанія въ тактъ работы. Въ беззвучныхъ работахъ такія восклицанія играютъ уже самостоятельную роль.

Было бы чрезвычайно плодотворно изучить подъ этимъ угломъ зрѣнія, съ одной стороны, трудовой процессъ русской деревни, съ другой—русскую пѣсню. Не окажется ли здѣсь извѣстнаго параллелизма, не кроются ли ритмическія особенности пѣсни въ трудовой ритмикѣ русскаго народа?

Дальнѣйшей особенностью русской пѣсни является т. наз. народный контрапунктъ, способъ сочетанія одновременно звучащихъ мелодій. Сопровожденіе мелодіи аккомпаниментомъ изъ аккордовъ представляетъ въ исторіи музыки сравнительно недавнее явленіе. На Западѣ оно появилось на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ. Раньше сочетались между собою лишь равноправныя мелодіи, изъ которыхъ каждая продолжала сохранять самостоятельное значеніе и законченный характеръ. Такой способъ соединенія равноправныхъ мелодій наз. контрапунктомъ. Въ русскомъ хорѣ каждый голосъ поетъ законченную мелодію. Одинъ изъ пѣвцовъ, запѣвало, поетъ главный голосъ, запѣвъ. Вступающіе за нимъ подголоски частью поютъ въ унисонъ съ запѣвомъ,—чего никогда не знали западно-европейскій контрапунктъ,—частью отступаютъ отъ него, иногда украшая свою мелодію замысловатыми фюритурами. Каждый подголосокъ представляетъ собою самостоятельную мелодію. Но главныя очертанія запѣва обычно настолько ярко выступаютъ въ немъ, что узнать пѣсню по подголоску всегда можно.

Наконецъ, характернымъ признакомъ русской пѣсни является скорость ея движенія: здѣсь преобладаютъ, въ противоположность Западу съ его пѣсней умѣреннаго движенія,—крайности: или очень протяжныя темпы (въ семейныхъ, свадебныхъ, любовныхъ) или очень быстрые (напр., въ плясовыхъ). „Русскій человекъ,—говоритъ по этому поводу историкъ русской музыки Чехихинъ,—малокультурный, близкій къ природѣ, выражаетъ свои ощущенія съ крайней непосредственностью: онъ или заливается безконечно протяжными вздохами или хохочетъ во всю глотку, тѣмъ ноздревскихъ хохотомъ, слушая который хочется воскликнуть, какъ у Гоголя: „Эхъ его разобрало!“

Исслѣдователи русской пѣсни приходятъ къ выводу, что циклъ ея развитія закончился.

„Трудно ожидать,—писалъ 30 лѣтъ тому назадъ авторъ классическаго труда о русской народной музыкѣ П. П. Соколовскій,—трудно ожидать, чтобы въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфа, всеобщей воинской повинности и нарѣзныхъ пушекъ, народное творчество, связанное съ эпической жизнью массы и народными движеніями, могло еще продолжаться впредь и развиваться“. Въ настоящее время народную пѣсню всюду вытѣсняетъ лишенная художественнаго значенія частушка. Наивно было бы вѣрить, что искусственными средствами можно побудить массы къ дальнѣйшему развитію пѣсни на ея національныхъ основахъ.

В. Алексѣевъ.

Декларації

Союза интернаціоналистовъ дѣятелей искусства.

— „Союзъ интернаціоналистовъ дѣятелей искусства“ ставитъ своей цѣлью борьбу за осуществленіе культурнаго идеала, носителемъ котораго въ современномъ обществѣ является пролетаріатъ.

Ведя свою классовую борьбу за социализмъ, свободу и миръ всего человѣчества, пролетаріатъ является авангардомъ революціи, которая обезпечитъ въ будущемъ обществѣ искусству полную свободу, а духовной культурѣ — достойное положеніе.

Объединяя свои цѣли съ міровыми задачами социализма, союзъ будетъ стремиться къ освобожденію искусства отъ продажности и приспособленности къ настроеніямъ господствующихъ классовъ современности. Духовная культура должна быть освобождена отъ своей связанности съ ея буржуазными покровителями, въ дѣйствительности занимающими художника, какъ мастера, и покупающими произведенія искусства, какъ рыночный товаръ.

Задачи революціоннаго искусства совпадаютъ съ задачами пролетаріата, стремящагося ко всемірной социалистической революціи. вмѣстѣ съ усиленіемъ социализма центръ тяжести перемѣщается на социальные низы, донинѣ угнетенные и неспособные къ самостоятельному творчеству. Освобождая пролетаріатъ и всѣ трудящіеся классы населенія, социализмъ создаетъ основу для интернаціональнаго искусства, для народной культуры, и этому освобожденію будетъ содѣйствовать союзъ во всей своей дѣятельности.

— Для осуществленія этой цѣли Союзъ будетъ стремиться къ сближенію накопленной вѣками духовной культуры съ пролетарскими и народными массами, чтобы обогатить пролетаріатъ художественнымъ опытомъ прошлыхъ поколѣній и донинѣ господствующихъ классовъ, а современному искусству дать живыя силы, во всѣ вѣка идущія изъ народа.

Союзъ будетъ углублять и развивать заложенные въ социализмъ творческія силы, выявлять ихъ въ области искусства и духовной культуры. Онъ будетъ стремиться къ разоблаченію и уничтоженію вульгарнаго искусства, замѣняющаго теперь для народа его духовную пищу. Онъ будетъ выступать съ лекціями, развивающими основныя положенія пролетарской культуры, будетъ издавать сборники пролетарскаго искусства, будетъ стремиться къ очищенію и измѣненію репертуара театра и кинематографа, привлечетъ художниковъ, поэтовъ и музыкантовъ къ работѣ для народа и на основѣ созданныхъ народомъ духовныхъ цѣнностей.

Учреждая вначалѣ только кружокъ дѣятелей и любителей искусства, союзъ будетъ стремиться къ распростране-

нію своей дѣятельности во всѣхъ областяхъ культуры, гдѣ народъ соприкасается съ нею, будетъ стремиться къ украшенію нашей революціи достойнымъ ея художественнымъ вѣнцомъ, будетъ звать къ себѣ художниковъ изъ народа и вести къ нему художниковъ изъ рядовъ господствующихъ классовъ, способныхъ порвать съ ограниченностью и предразсудками воспитавшей ихъ социальной среды“.

Союза искусствъ.

— „Вызванная стихіей революція человѣческой мысли — переоцѣнка всѣхъ цѣнностей — ставитъ и передъ дѣятелями искусства задачу пересмотра и анализа пройденнаго пути и вопросъ объединенія и демократизаціи искусствъ въ будущемъ.“

Традиціонныя вѣрованія и стремленія, которыми до сихъ поръ жили художники всѣхъ искусствъ, пытались то одиноко — индивидуально, то группами — сектантски, или даже массами — коллективно, но все же пока односторонне и узко-спеціально освѣщать и рѣшать проблемы истинно-художественнаго — это прошлое.

Въ будущемъ необходимъ и возможенъ путь новый, болѣе широкій, объединяющій, синтетическій.

Мы глубоко вѣримъ, что такой путь возможенъ, и что онъ будетъ найденъ общими усиліями.

Но мы также глубоко убѣждены, что такое сліяніе художественныхъ силъ и идеаловъ возможно лишь на основахъ автономной организаціи при абсолютной свободѣ творчества, не опекаемаго ни академизмомъ и разными школами, ни какимъ-либо спеціальнымъ министерствомъ, но матеріально гарантированнаго и государствомъ и обществомъ.

Программа „Союза“ слѣдующая: 1) установленіе тѣсной внутренней связи, т. е. синтеза творчества путемъ общенія на почвѣ искусства и коллективной работы (самокритика, взаимопомощь въ творчествѣ, а главное кристаллизація понятій объ истинно-художественномъ); 2) общеніе художниковъ съ широкою публикою въ цѣляхъ демократизаціи искусства и распространенія въ народныхъ массахъ эстетическихъ вкусовъ и понятій. Для этого „Союзомъ“ намѣчается рядъ координированныхъ періодическихъ выступленій: общедоступные художественные вечера, спектакли, концерты и лекціи по вопросамъ искусства съ иллюстраціями; художественныя выставки съ организаціей на нихъ собесѣдованій съ публикой; обязательное участіе „Союза“ въ строительствѣ художественной жизни страны и главное: учрежденіе въ Харьковѣ „Дома искусствъ“ съ мастерскими, музеемъ, библіотекою и постоянной выставкой, гдѣ свободно будутъ работать и развиваться народные таланты.“

О книгахъ.

(Литературная
современность).

П. Ф. ДМИТРЕНКО. На пути къ странѣ обѣтованной. Вторая книга пѣсенъ. Одесса. 1918.

Имя одесскаго поэта ничего не говоритъ. Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ литературнаго потока современности. Его поэтическое лицо своеобразно, и немногіе угадаютъ въ немъ знакомыя черты.

Впрочемъ, изъ его стиховъ видно, что творческое вдохновеніе является для него не средствомъ завоеванія славы, а лишь внутренней цѣлью выраженія интимныхъ волненій, лирическихъ тайнъ и томленій души.

Поэзія современная, включая сюда и футуризмъ, оказала чрезвычайно сильное воздѣйствіе на Дмитренко, въ своемъ цѣломъ, въ особенности Александръ Блокъ. Однако, онъ, по своимъ настроеніямъ, остается совершенно чуждымъ, даже враждебнымъ поэтическому сегодня. Онъ не любитъ жизни, не любитъ революціи, не любитъ улицы и толпы, ненавидитъ городъ и мечтаетъ о высяхъ пламенныхъ Синай.

Здѣсь, въ молитвахъ всемірному духу, его голосъ часто срывается холодной молитвенной риторикой. Торжественныя ораторіи, нѣжныя молитвы не въ состояніи отвлечь поэта отъ того, къ чему поистинѣ предназначена свирѣль его вдохновеній: отъ жизни...

Два мотива. Одинъ чисто личный. Влеченіе въ мистическій міръ:

Открой же дверь: я — Божій Сынъ — стучу,
Наслѣдникъ Третьяго Завѣта;
Я поднимаюсь по яркому лучу
И ринусь въ бездны ослѣпительнаго Свѣта!

Эта молитва не исполнится.

Скажи, Господь, дождусь ли я минуты,
Когда, расторгнувъ тягостный союзъ,
Я сброшу радостно измѣнчивыя пути
И чистымъ духомъ къ Духу вознесусь?

Второй мотивъ суровѣе: проклятіе міру. Призывъ господней мести на людей. Мысль о томъ, что настанетъ день ниспроверженія „вавилонскихъ башенъ“ культуры. Богъ явится на землю судить и карать человѣчество Каина, съ руками въ крови.

И эта молитва — мертвая.

Моя молитва — горькая полынь...

Сухая, мертвая и горькая полынь.

Городъ, его улица, люди — замокъ сатаны и его слугъ, пыльное убранство земли, буря земныхъ волненій, кровь и боль, страсть ненависти, — изъ этого круга Дмитренко не можетъ уйти, и только поэтому его поэзія возвышается до уровня красоты.

Люблю, люблю, прозрачно-желтый августъ,
Надъ городомъ твой благостный полетъ.

И еще прекраснѣй о февралѣ:

Февральскій день, какъ мальчикъ, обманулъся,
Въ сѣдья сумерки плотнѣе
Съ обиженной улыбкой запахнулъся
И погасъ...

Южный октябрь, вѣющій пряной и сладкой прѣлью въ теплую осень:

Улица послѣ дождя — забытый въ сказаніяхъ храмъ:
Вся — въ золотѣ и малахитѣ
Влажныхъ акацій.

Похожій на импрессиониста Клода Моне, умѣвшаго рисовать скалы на Сенъ и Руанскій соборъ, какъ призраки, тающіе въ многообразномъ и многоцвѣтномъ воздухѣ, Дмитренко, нѣжно и тонко,

рисуетъ земную прелесть, даже улицу, даже кровавую, шумную, жестокую улицу въ дни революціи преображаетъ въ зачарованный храмъ.

Но человѣкъ?.. Горькая озлобленная ненависть, усталость отошедшаго отъ жизни и не умѣющаго покинуть ее навсегда, навсегда...

Человѣкъ — свирѣпый звѣрь, двуногій звѣрь, толстокожій звѣрь, уставившій морду въ звѣздныя ворота, словоубійца и предатель!

Человѣкъ дерзкій и униженный.

Въ кафѣ нарядномъ и припудренномъ
Играетъ музыка, горятъ зигзагами огни,
Надъ разрисованными дамами
Плывутъ кошмары неразгаданно
Въ больномъ дыханіи большого города,
Не подымающаго опухшихъ вѣкъ,
Душа отъ грезы не избавлена, —
И такъ обидно, и такъ не гордо
Повисло въ воздухѣ отравленномъ
Опошленное — человѣкъ...

Но когда „человѣкъ“ возстанетъ?.. Противорѣчиво и странно Дмитренко обрекаетъ на проклятіе человѣка возставшаго, какъ и человѣка униженнаго.

Души не возвеличатъ телефоны,
И сердца не возвыситъ телеграфъ —
И рабъ использовалъ тлетворные законы,
Поднявшись на своемъ аэропланѣ,
Безкрылый дерзко въ небо посмотрѣлъ...
О Господи, пошли святое пламя,
Испепели, какъ царство Сатаны...

Почему дерзкій звѣрь, бунтующій противъ бога, долженъ быть испепеленъ?

Поэтъ боится, что не богъ на землѣ воздвигнетъ царство, а освобожденный человѣкъ.

Не въ яркомъ электричествѣ, не въ парѣ
И не съ густымъ фабричнымъ дымомъ
Мы крылья въ безконечное расправимъ.

Гдѣ же это безконечное? — Вѣдь, только мертвую схему небесной отдаленности въ силахъ нарисовать Дмитренко, постоянно возвращаясь къ зеленѣющему очарованію земли.

Онъ взываетъ:

О Господи! Да не при мертвомъ свѣтѣ
Желто-сиреневаго лампіона
Созиждутъ возродившіяся дѣти
Твердыни новаго Сіона!

Вы угадываете, о какомъ Сіонѣ говоритъ поэтъ? Онъ боится священнаго Сіона социализма, въ которомъ возстаніе противъ бога найдетъ завершеніе, и человѣкъ станетъ свободнымъ именно при помощи „кошунственной“ техники.

Какое противорѣчіе! Рабъ-человѣкъ отвратителенъ поэту. Бунтующій человѣкъ ненавистенъ ему. Но онъ самъ чувствуетъ, что выси горняго Синай пустыненъ и мертвъ, и только здѣсь, на землѣ возможно лучезарное освобожденіе. Поэтому онъ любитъ землю, ея цвѣты, краски, оттѣнки, запахи, цвѣтъ воздуха, утреннія и вечернія воздушныя великолѣпія горизонта.

Навязанная извнѣ религіозная идея грубо противорѣчитъ истинной прелести дарованія Дмитренко. Правда, онъ часто неустойчивъ въ своемъ ритмѣ. То онъ доходитъ до рѣзкаго и изломаннаго рисунка футуризма, то возвращается къ примитивнымъ строфамъ

давно забытой поэзии. Но онъ разнообразенъ и постоянно ищетъ новыхъ формъ стиха, непрерывно мѣняя его для выраженія измѣничивыхъ настроеній.

Его образы поражаютъ неисчерпаемымъ богатствомъ. „Рубино-цвѣтный мраморъ“, „силуэтъ фіолетово-сѣрый“, „серебряный сонетъ“, „хрустальные страницы“, „морозъ рисуетъ жаломъ букеты снѣжныхъ скабіозъ“, „знойный медъ бархатныхъ акацій“, „сухой и душный запахъ оливы, щемящее сырое дыханіе бузины“, „въ стеклянномъ воздухѣ серебряная ночь“, „пѣвуче-розовый и дѣвственно-жемчужный“, „день упалъ, зарѣзанный на западъ, ночь расплакалась звѣздами крупными“, „осемицвѣтилъ брилліантовой росой земныя утра“, „цвѣтисто-грезый опій“, „горько-пріяныя миллефоли“... Эти молитвы земной красотѣ священный молитвъ нѣмому призрачному богу...

В. Р.—нѣ.

М. ЭЙЗЛЕРЪ. Разказы. М. 1918.

Крайняя неопытность автора — печать сборника разказовъ харьковскаго беллетриста Эйзлера. Неопытность сказывается и въ шаблонномъ веденіи интриги, въ чрезвычайно примитивной обрисовкѣ типовъ, въ неумѣлой разработкѣ психологической стороны каждаго изъ разказовъ. Это обстоятельство для оцѣнки сборника должно быть рѣшающимъ, такъ какъ Эйзлеръ прежде всего пытается быть психологомъ.

Особенно явственно эта неспособность видна въ безпомощности автора справиться съ развязкой, а вѣдь именно умѣлая развязка — показатель беллетристической зрѣлости. Эйзлеръ обыкновенно кончаетъ разказъ „моралью“, т. е. учитъ читателя, на что онъ долженъ обратить въ разказѣ особое вниманіе. Но горе не только въ отсутствіи у автора достаточнаго эстетическаго чутья: если бы въ самомъ разказѣ дѣйствительно было должнымъ образомъ отгѣнено то, что такъ грубо подчеркивается въ заключительныхъ строкахъ — вина автора могла быть отчасти искуплена именно умѣлымъ психологическимъ анализомъ; Эйзлеръ же въ анализѣ настолько примитивенъ, что читатель останавливается въ недоумѣніи передъ „моралью“ развязки: весь ходъ разказа ощутительно не выдвигалъ того, что соотвѣтствовало авторскому замыслу.

Художественная незрѣлость проскальзываетъ и въ отдѣльных фразахъ.

„Онъ посмотрѣлъ въ ея глаза и какъ будто въ первый разъ „увидѣлъ ихъ, такъ мало они гармонировали съ ея лицомъ и въ „особенности съ тѣломъ. Въ нихъ бились большія крылья души. Во „всемъ остальномъ она была женщина, въ самомъ простомъ смыслѣ.“ Или снова о крыльяхъ души: „въ воскресенье утромъ, когда взошло „золотое солнце, освѣтивъ сѣрое небо и холодную землю, остановились крылья старой души Опанаса.“

Но Эйзлеръ не безнадеженъ. Онъ можетъ выписаться и быть удобочитаемымъ. Нѣкоторые эскизы его, напр. „Дунька вторая“ и „Случай“ — хороши.

Е. Л.

ЕЛЕАЗАРЪ ПЕРЛИНЪ. Блеклыя зарницы. 4-ая книга стиховъ. Изд. газеты „Голосъ Народа“. 1918.

Нѣсколько совершенно различныхъ мотивовъ и разныхъ темъ, воплощенныхъ въ переменчивомъ ритмѣ. Поэтъ еще не владѣетъ своимъ стихомъ. Наоборотъ — стихъ владѣетъ имъ, заставляя дѣлать опыты примѣненія разныхъ формъ, пока только опыты, еще не созрѣвшіе въ законченныя творенія.

Властительный Верхарнъ диктуетъ стихотворенія о революціи.

Разбить часовъ циферблатъ...

Оживаютъ напѣвы Верхарна,

Оживаютъ въ рыдающихъ строкахъ,

И жутко рыдаетъ набатъ...

Это — программа, которую надо выполнить: влить волны русской революціи въ возрожденныя строфы Верхарна.

Возможно это или нѣтъ — другой вопросъ. Вѣроятно, невозможно. Необходимы новыя формы, чтобы воспринять „призрачную былъ“ современности. Е. Перлинъ, въ четырехъ стихотвореніяхъ коснувшись современности, отходить отъ нея во имя вѣчнаго мотива поэзіи — лирической эротики. Здѣсь мало привлекательнаго, и строфы, заимствованныя у Вл. Маяковского, не достигаютъ предѣла дикой патетической силы этого поэта.

Есть въ книжкѣ одна мечтательная своеобразная тема, невольно привлекающая вниманіе.

При факельномъ траурномъ свѣтѣ

Подъ marche funèbre Шопена

Въ одеждахъ блеклыхъ соцвѣтій

Выводятъ невольницъ изъ плѣна.

Въ одеждахъ блеклыхъ соцвѣтій

Подъ marche funèbre Шопена

Но это — искра подъ пепломъ чужихъ созвучій, еще не переработанныхъ въ собственное творчество.

ЮСИФЪ КАЛИННИКОВЪ. Стихи. 1918.

Авторъ оказалъ выдающіяся услуги русскому фольклору собираніемъ сказокъ въ Орловской губ. Географическое Общество и Академія Наукъ издали нѣсколько сборниковъ.

Среди собственныхъ стиховъ, собранныхъ въ небольшой книжкѣ, мало цѣннаго. Поэма въ тріолетахъ „Черный пудель“ написана подъ рѣшающимъ вліяніемъ Эдгара По, настолько сильнымъ, что черный пудель вышелъ чернымъ ворономъ, но совершенно безъ красиваго реализма американскаго поэта. Другія стихотворенія технически слабы. Рѣмы бѣдны или сводятся къ однообразнымъ глаголамъ. Образы грубы:

Я лишь кричу, истомно пламенью.

Теперь кричу и страстью пламенью.

При такомъ полномъ отсутствіи музыкально-поэтического слуха трудно надѣяться, чтобы поэтъ поднялся въ будущемъ надъ уровнемъ этой книги стиховъ. „Не поцѣловала его муза“, какъ говорили эллины...

ОТЪ РЕДАКЦИИ: Въ № 12 журнала „Колосъ“, посвященномъ 65-лѣтнему юбилею В. Г. Короленко, на стр. 15 въ подписи подъ рисункомъ замѣчена опечатка: вмѣсто: „Камера въ тамбовскомъ тюремномъ замкѣ“, слѣдуетъ читать: „Камера въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ“.

Цѣна 1 р. 25 к.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ